

Выгузова Елена Юрьевна, Евенко Елена Викторовна

**ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИММЕТРИИ
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗВУЧАНИЕМ СЛОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕМ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье рассматривается звукосимволическая метафора, основу которой составляет звуковой символизм, и подчеркивается ее роль в создании новых слов. Большое количество примеров подтверждает, что рассматриваемое явление возникает в результате вторичных ассоциаций на основе перекрестной синестетической абстракции, вследствие чего звуки слова способны образовывать звукосимволические метафоры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 86-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

можно следующим образом: в решении какого-либо дела или ситуации совершенно неожиданного приводится ключевой аргумент, доказательство либо важный документ, что может повлиять в известной степени на дальнейший ход событий. Например: *Als Vertreter des Wirtschaftsministeriums letzte Woche das Neue Hilfspaket für die ostdeutschen Länder aus dem Hut zauberten, – regionale Strukturhilfen, die den Bund mittelfristig mit drei bis vier Milliarden belasten* [Там же, с. 170]. / *Когда представители министерства экономики на прошлой неделе неожиданно предоставили новый проект по оказанию помощи восточным федеральным землям – пособия в регионах, на которые государству придется потратить в среднем от трех до четырех миллиардов.*

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что изучение фразеологии помогает освоить важные элементы культуры и традиций, позволяет формировать объективное отношение к историческим фактам и реалиям современной жизни страны изучаемого языка. Вместе с тем, учет национальной специфики облегчает понимание фразеологизмов и обеспечивает лучшую запоминаемость, повышает уровень владения ими, стимулирует интерес к языку.

Список источников

1. **Кунин А. В.** Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
2. **Левина Е. А.** Выражение человеческих качеств во фразеологизмах немецкого языка // Новая наука: проблемы и перспективы. Стерлитамак, 2015. № 4 (4). С. 89-91.
3. **Левина Е. А.** Сравнения в предложениях с копулятивными глаголами (на материале немецких радиотекстов) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2010. № 14. С. 128-136.
4. **Мальцева Д. Г.** Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 507 с.
5. **Петрушкина А. В.** Проблематика наименования фразеологизмов в свете феминистской лингвистики (на примере немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 152-154.

THE FUNCTIONAL-ETYMOLOGICAL DESCRIPTION OF GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MIDDLE AGES

Vishlenkova Svetlana Gennad'evna, Ph. D. in Philology

Levina Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk
svetlana.vishlenkova@yandex.ru; e-lyo@yandex.ru*

In the article the need to study phraseology is substantiated, and the description of the basic functions of phraseological units in the language is given. The main attention in the work is paid to the research of phraseological expressions, which belong to the Middle Ages according to their etymology. The authors analyze the phraseological units from the point of view of the realization of their functions in the language, describing the origin of their meanings, as well as the images with which they are associated.

Key words and phrases: phraseology; phraseological units; functions of phraseological units; etymology; meaning; connotation.

УДК 81

В данной статье рассматривается звуко-символическая метафора, основу которой составляет звуковой символизм, и подчеркивается ее роль в создании новых слов. Большое количество примеров подтверждает, что рассматриваемое явление возникает в результате вторичных ассоциаций на основе перекрестной синестетической абстракции, вследствие чего звуки слова способны образовывать звуко-символические метафоры.

Ключевые слова и фразы: звуко-символическая метафора; звуковой символизм; перекрестная синестетическая абстракция.

Выгузова Елена Юрьевна, к. филол. н.

Евенко Елена Викторовна, к. филол. н.

*Тамбовский государственный технический университет
nazarova33-1975@mail.ru*

ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИММЕТРИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗВУЧАНИЕМ СЛОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Метафора занимает особое место в теории семантических, психолингвистических, стилистических, синтаксических и прагматических исследований. В течение длительного времени звуко-символическая метафора привлекает как отечественных, так и зарубежных лингвистов, поэтому количество работ по этой тематике неуклонно продолжает расти. Научная новизна изучаемого явления заключается в возможности звуко-символической метафоры выступать в роли особого способа означивания объектов действительности и моделирования

ассоциаций между новым и неизвестным, закрепленным в лингвокультурном пространстве на практике. Звукосимволическая метафора является уникальным способом репрезентации экспрессивных импликационных характеристик художественного текста, структурирования информации, объективации ментальных процессов в языке и способом продуцирования новых знаний.

Цель данной статьи – определение симметрии звукоизобразительной связи между звучанием слова и его значением благодаря явлению звукового символизма.

Согласно теории звукового символизма, звук речи способен вызывать незвуковые представления. Большое количество слов, образованных благодаря символике звуков, звукосимволических по своему происхождению, можно встретить в любом языке. Звуковой состав каждого такого слова (или же отдельные звуки в его составе) символизирует тот признак денотата, который положен в основу его номинации (первичный звукосимволизм). В. В. Левицкий отмечал, что «символика звуков является отсветом, который бросает понятийное значение слова на его звуковую форму» [4, с. 90].

Образование звукосимволических слов (как и звукоподражательных слов) в любом языке определяется двумя факторами: внеязыковым и языковым; при этом ведущим является первый фактор, определяющий существенные характерные черты звукосимволических слов как универсалий [1, с. 19]. В настоящее время существование звукосимволизма в языках мира, безусловно, доказано экспериментально-психологическими, психолингвистическими и лингвотипологическими исследованиями [Там же, с. 18-19].

Иногда возникают сложности с отнесением лексических единиц к классу звукоподражаний (в основу положен не-звук) и звукосимволизов (звук). Например, слово *splash* означает «шлепать (по грязи, воде)» и имеет явно звукоподражательное значение «забрызгивать, плескаться – удар с последующим шумом». В слове *drop* это явление проявляется еще нагляднее: «капать» – быстрая серия ударов – и «капля» – обозначение округлого [12]. Ряд слов, отмеченных в словарях как «имитативные», т.е. звукоподражательные по происхождению, на данном этапе своего развития воспринимается как обозначение чего-то большого или малого. Их символика объясняется тем, что большие тела, в том числе и голосовые органы животных, издают низкий звук, а малые тела – высокий звук.

Язык ребенка возникает как изобразительная сущность, и зарождается он в жестозвуковой форме. Опыты на приматах подтверждают сходство возможностей мозга обезьяны с возможностями правого полушария мозга человека (И. И. Иванов). Нейрофизиологические исследования (Л. Я. Балонина и В. Л. Деглина) [Цит. по: 5, с. 174] указывают на большую древность структур, ответственных за конкретно-наглядную, образную, эмоциональную, жестовую продукцию. Исходя из результатов исследований современной науки, С. В. Воронин приходит к выводу, что язык имеет изобразительное происхождение и на начальном этапе филогенеза отприродно изобразителен. При создании звукосимволического слова в акте номинации выбирается какой-то один признак денотата из множества его признаков, полагаемых в основу номинации. Выбранный признак должен быть доминантным. Таким образом, закон множественности номинации объясняет различие фонетического облика звукоизобразительных слов по различным языкам мира, существование в языке синонимов и омонимов, функционирование различных языков. Если в основу номинации одинаковых по значению звукосимволических слов выбирается один и тот же признак, в их звуковом оформлении наблюдаются сходства. Но носитель языка для наименования использует фонетические средства своего языка, а фонетический строй каждого отдельно взятого языка имеет свои специфические черты.

Большое количество примеров и экспериментально-психологических, психолингвистических исследований подтверждает существование явления звукового символизма в различных языках: известный пример И. А. Стернина «малюма» и «жаваруга» [8, с. 67]; «Vouba/kiki эффект», придуманный С. Рамачандран, который подчеркивал в своих исследованиях, что звуковой символизм возникает в результате вторичных звуковых ассоциаций по цвету и вкусу. Данная теория помогает объяснить, как человек создает метафоры и как звуки становятся образными метафорами, они могут быть «яркими» или «скучными». С. Рамачандран подтверждает существование связи звукового символизма и неврологии через синэстетическую перекрестную абстракцию. Коренные жители Канарских островов назвали форму в виде звезды «kiki» – «острая» – и цветкообразную форму «vouba» – «круглая» [14].

Группа слов в английском языке, начинающихся на «fl», таких как *fly, flow, flee, fluid, flimsy* и *flicker*, часто подразумевают «легкость», «мягкость», «движение», «быстроту». Также английские слова на «gl» – *glisten, gleam, glo, glimmer, glitter, glint* – ассоциируются с «яркостью». Слова *glow, gleam, glimmer, glare, glisten, glitter* на «gl» передают понятие «блеска» и «гладкости». На этом фоне слова *glib, glee, glory* излучают «яркость» самой своей формой, а слова *glimpse and glance* подтверждают наш вывод (потому что зрение невозможно без света), и у слова *glib* нет другого выхода, как обозначать «глянец, объемный блеск», и в семнадцатом веке оно приобрело значение в английском «гладкий и скользкий» [6; 12].

Рассмотрим теперь слова (кластеры) на «-ump»: *lump, rump, hump, mumps, stump, plump*. Все они очень хорошо рифмуются и ассоциируются с «круглый» или «неострый», «выпуклый». Слово «bump» имеет отношение к контакту с чем-либо «упитанным, аппетитным», будь то части тела: бедра, зад, плечи – или медленно, плавно движущееся судно, корабль, «безконтактность» поверхности с чем-либо острым, не стук карандаша о раму, в противопоставление первому значению. Значение слова *crump* – «звук треснувшей скорлупы» – похоже на значение слова *thump*. Но в словах, одинаково оканчивающихся на *-umble: tumble, mumble, rumble* (а не на *-ump*), такого сходства в значении не наблюдается. Можно предположить, что существуют слова на *-ump*, которые не подпадают под эту зависимость значения кластера (*-ump*), например, слово

trump. Тем не менее есть достаточное количество примеров, демонстрирующих эту корреляцию звука и значения в определенной группе (кластере) слов: *Humpty-Dumpty* [10], *Forrest Gump* [11] – слова-примеры, подчеркивающие внешний облик «округлых» персонажей.

Английские слова *teeny-weeny*, *itsy-bitsy*, *mini* and *wee* соотносятся со значением «малого», как например, *chip* кажется меньше, чем *chop*. То же самое происходит и со словами *slits-slots*; *chinks-chunks*; *dints-dents*. *Many a mickle makes a muckle* [13] – старинная, исчезнувшая уже из употребления поговорка («Копейка рубль бережет»). Даже если вам не известно значение слов, можно догадаться, что *mickle* меньше, чем *muckle*. В действительности это слова с одним и тем же значением. Подобно *dints* и *dents*, они возникли как два альтернативных произношения, хотя мы предполагаем, что их гласные – звуко-символичны (размер – маленький – [i]; большой – [a]).

Проблема звукового символизма, заключающаяся в его фундаментальном тезисе, всегда была дискуссионной, потому что гипотеза звукового символизма о частичном влиянии звука или его артикуляции на значение слова многим казалась неправильной. И все же большинство ученых не отрицают влияния звуковой формы слова на его значение [2-4; 9].

Боле того, звуковой символизм играет значительную роль в эволюции языка. Мы разделяем многие наши звуко-символические аспекты языка с другими видами (животными, птицами). Вполне возможно, что звуко-символический язык является предшественником полностью сформировавшегося позже человеческого языка. Следует заметить, что совершенный звуковой аппарат (инструмент) людей, многих птиц и китообразных представляет в своей основе звуко-символическую систему общения, в которой «связь звука и значения могла бы рассматриваться как произвольная» (теория *thesei*) (Платон) [7, с. 144], в противопоставление теории произвольности языкового знака, которой мы и придерживаемся.

Следует заметить, что звуко-символическое слово воплощает свое значение «внутри звука»: *shimmer*, *cringe*, *tinkle*, *grimace*, *farrago*, *thump*, *squirt*, *mumble*, *wisp* [12].

Анализ многочисленных примеров показывает, что звуко-символическая метафора объединяет значения, репрезентирующие признаки, воспринимаемые такой сенсорной модальностью человека, как зрение, вкус, слух, органические ощущения, различные типы движений, световые явления, походка, мимика, психологические и эмоциональные состояния человека или животного. Звуко-символическая метафора характеризуется широким участием воображения и фантазии при языковом означивании. Метафорические переносы варьируют от чисто внешних, учитывающих форму сравниваемых объектов, действий, пространственные и временные отношения, существующие между действиями, особенности физических действий человека или животного, неодушевленных предметов, до внутренних, основанных на их субъективном, эмоциональном восприятии.

Безусловно, звуко-символическая метафора основана на ассоциативных связях человеческого опыта, в основе любого человеческого переосмысления лежит антропометричность (основной принцип – «человек – есть мера всех вещей»), способность представлять одну сущность, как если бы она была другой. Поэтому метафора несет в себе ценную информацию о человеческом масштабе знаний и представлений, о концептуальной системе людей в разные исторические эпохи, а также о системе национально-культурных ценностей и стереотипов. Таким образом, звуко-символическая метафора, как и любая метафорическая инновация, фиксирует мировоззренческий, общественный и культурно-исторический опыт носителей языка.

Таким образом, функциональной особенностью звуко-символического метафорического переноса является семантическое значение звуковых доминант или ярко выраженный стилистический потенциал слова, а иногда использование этих обеих характеристик. Звуко-символическая метафора является мощным фоносемантическим инструментом эмоциональной окраски слова, одним из наиболее продуктивных средств создания вторичных наименований, основанном на явлении звуко-символизма посредством объединения различных сенсорных модальностей (зрительных, звуковых, слуховых, световых, вкусовых, мимических, тактильных, двигательных, звукоподражательных). С помощью механизмов метафоры на основе сходства некоторых признаков реалии, уже названной в языке, синтезируется новый идеальный объект – метафорически переосмысленное значение имени с целью наименования новой физически воспринимаемой реалии или явления либо же создания некоторого нового понятия в самом процессе его метафорического наименования.

Список источников

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
2. Евенко Е. В., Ключкина Ю. В., Лябина О. Г. Phonosemantic organization as an unbounded field for investigation // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. 1. С. 66-68.
3. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы: Изд-во Черновецкого ун-та, 1973. 145 с.
5. Нейропсихоллингвистика: хрестоматия / сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2009. 304 с.
6. Онлайн-словарь АБВУ Lingvo-Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ua/ru> (дата обращения: 08.04.2017).
7. Платон. Кратил // Платон. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 422 с.
8. Стернин И. А. Что такое лингвистика? Воронеж: ВТУ, 1987. 90 с.
9. Чукарькова О. В. Звукоизобразительная гиперэкспрессивность (на материале англоязычных англоязычных текстов) // Филологические науки. Вопросы и теории и практики. 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. 2. С. 206-211.
10. Carroll L. Through the Looking-Glass. М.: Progress Publishers, 1966. 230 p.
11. Groom W. Forrest Gump. СПб.: Антология, 2015. 127 с.

12. Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1963. 1200 p.
13. Many a mickle make a muckle. Перевод и определение [Электронный ресурс] // Glosbe – многоязычный онлайн-словарь. URL: <https://ru.glosbe.com/en/ru/many%20a%20mickle%20makes%20a%20muckle> (дата обращения: 12.04.2017).
14. Ramachandran V. BBC Reith Lectures. San Diego: University of California, 2003. 159 p.

**SYMBOLIC SOUND METAPHOR AS A MEANS OF IDENTIFYING THE SYMMETRY
OF SOUND-DESCRIPTIVE RELATION BETWEEN THE WORD SOUND AND ITS MEANING
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Vyuzova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology
Evenko Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
nazarova33-1975@mail.ru

In the article the sound-symbolic metaphor based on sound symbolism is considered, and its role in the creation of new words is emphasized. A large number of examples confirm that the phenomenon under study arises from secondary associations on the basis of synesthetic cross modal abstraction, as a result of which the sounds of the word are capable of forming sound-symbolic metaphors.

Key words and phrases: sound-symbolic metaphor; sound symbolism; synesthetic cross modal abstraction.

УДК 801.612+811.512.142

В данной статье анализируются особенности словесного ударения в карачаево-балкарском языке. Выявляются отличия словесного ударения в данном языке от ударения в некоторых тюркских, а также в русском языках, случаи его неподвижности по частям речи, различия в старых и новых заимствованиях, парных и сложных словах. Уделяется особое внимание его главной и второстепенной разновидностям, фонологической роли, которая сравнивается с русским языком, где указываются различия. Основным из них является следующее: в русском языке ударение различает как слова, так и их грамматические формы, а в карачаево-балкарском – лексическую и грамматическую формы или только грамматические.

Ключевые слова и фразы: проклитики; энклитики; модальные слова; главное ударение; второстепенное ударение; третьестепенное ударение; фонетические слова; редукция гласных; экспрессивно-эмоциональные слова; служебные слова.

Гузев Жамал Магомедович, д. филол. н., профессор
Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
kaitaeva07@mail.ru

О СЛОВЕСНОМ УДАРЕНИИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от некоторых тюркских языков, например турецкого, узбекского и киргизского, в которых словесное ударение преимущественно динамическое, но помимо него в слове имеется и музыкальное ударение [6, с. 52-56; 8, с. 52; 9, с. 130], в карачаево-балкарском оно только динамическое. Оно в данном языке и силовое, в отличие от якутского, киргизского и туркменского, которые, помимо всего, характеризуются еще количественным ударением [2, с. 410].

В зависимости от своего характера и интенсивности силовое ударение в карачаево-балкарском языке подразделяется на главное ударение, которое обычно падает на последний слог, и второстепенное, возникающее в словах, имеющих четыре и более слога, и падающее на первый слог слова, ср.: *йшлериклэ* «те, кто будут работать» [10, т. 2, с. 148], *ашарыкъланы* «кто, что подлежит съедению» [Там же, т. 1, с. 275] и др.

Поскольку словесное ударение падает на последний слог, то оно связанное, фиксированное, одноместное. Однако это не означает, что такое ударение неподвижно. Оно подвижно, так как при присоединении аффиксов к словам передвигается к ним: *адám* «человек» – *адамлá* «люди» – *адамлары* «их (его) люди» – *адамларыбыз* «наши люди» – *адамларыбызгá* «(к) нашим людям» [Там же, с. 49].

Тем не менее довольно много случаев, когда ударение не падает на последний слог слова и подвижность его нарушается. Это имеет место как в знаменательных, так и в служебных и экспрессивно-эмоциональных словах.

В знаменательных словах неподвижное ударение может находиться на первом и предпоследнем слоге одинарных и сложных, а также на последнем слоге своего первого компонента сложных слов.

Ударение неподвижно и прикреплено к первому слогу в словах следующих частей речи;

- 1) сложные существительные с раздельным написанием компонентов, первый из которых односложен: *жáн жайлуқ* «полотенце» [Там же, с. 802], *кúз арты* «осень» [Там же, т. 2, с. 404] и др.;
- 2) сложные прилагательные с раздельным написанием компонентов, первый из которых односложен: *бír жанлы* «односторонний» [Там же, т. 1, с. 431], *бáл бетли* «каштановый» [Там же, с. 321] др.;